

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

На правах рукописи

Кузнецова Олеся Васильевна

**ФЕНОМЕН ДУХОВНЫХ ПРАКТИК В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ И ОСНОВНЫЕ УЧАСТНИКИ**

Специальность 5.7.9. Философия религии и религиоведение

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Екатеринбург – 2022

Работа выполнена на кафедре онтологии и теории познания Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Научный руководитель: **Иванова Евгения Владимировна**, доктор философских наук, доцент

Официальные оппоненты: **Матецкая Анастасия Витальевна**, доктор философских наук, доцент, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (г. Ростов-на-Дону), профессор кафедры философии религии и религиоведения

Степанова Елена Алексеевна, доктор философских наук, доцент, ФГБУН Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург), главный научный сотрудник отдела философии

Зудов Евгений Владимирович, кандидат философских наук, БУ ВО Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Сургутский государственный педагогический университет» (г. Сургут), старший преподаватель кафедры социально-гуманитарного образования

Защита состоится «26» октября 2022 г. в «11.00» на заседании диссертационного совета УрФУ 5.7.05.11 по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал заседаний диссертационных советов, ком. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», <https://dissovet2.urfu.ru/mod/data/view.php?id=12&rid=3749>

Автореферат разослан «__» _____ 2022 года

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат философских наук,
доцент

О. М. Фархитдинова

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность. XX в. ознаменовался активными процессами трансформации религии и форм ее существования. Источником этих трансформаций были процессы секуляризации и десекуляризации, особенности современной культуры и капиталистического общества. В результате сформировался рынок религий, возникли новые религии и новые религиозные движения, распространилась внеконфессиональная религиозность. Еще один источник изменений в религиозной сфере лежал в утвердившихся в культуре индивидуалистических представлениях человека о себе и религии, которые повлекли за собой смену его поведения. Распространившаяся индивидуалистическая позиция человека к миру и религии становится фундаментом для появления стратегий личного поиска ответов на экзистенциальные вопросы, протекающего вне сложившихся религиозных систем.

Следствием индивидуальных ответов на смысложизненные вопросы и поисков контакта со сверхъестественными силами, происходивших вне рамок сложившихся конфессий, было появление «лоскутной религиозности», «внеконфессиональной религиозности», «веры без принадлежности» и т. п. Одним из таких ярких феноменов оказалась духовность (spirituality), которая стала объектом исследования религиоведов. Мы находим этому подтверждение в появлении людей, которые отказываются однозначно относить себя к какой-либо конфессии, агностицизму, атеизму, а используют для своего обозначения такую конструкцию как, «духовный, но не религиозный» (spiritual but not religious (SBNR)).

Все это требует системной рефлексии со стороны религиоведения, результатом чего с середины XX в. стало расширение понятийного аппарата, в задачи которого входит отражение тенденций, сложившихся в религиозной сфере. Одним из таких понятий стало понятие «духовность» (spirituality), давно присутствовавшее в европейской культуре и философии, и получившее новое наполнение в соответствии с теми коннотативными значениями, которые использовались духовными искателями. Этот термин закрепился в науке о религии и позволил сделать явление духовности одним из центральных предметов современного религиоведения.

Феномен духовности наиболее ярко проявляется в активно возникающих духовных практиках, которые позволяют реализовать стратегии индивидуального духовного опыта. Сами духовные практики становятся формой существования духовности, а индивидуалистические позиции искателей духовности реализуются в духовных практиках. В связи с протекающими социально-экономическими процессами, новые формы

осуществления духовных практик ставят перед религиоведами исследовательские вопросы. Появляющиеся формы, в том числе их внутренний уклад, требуют особого исследовательского внимания. Одновременно существует ряд исследовательских лагун в понимании духовности: почему, при значительной разнице субъективных предпочтений, искатели духовности демонстрируют схожий выбор и поведение; как поведение духовных искателей влияет на существующие организационные формы духовности; почему, при декларируемом индивидуализме и перемещении критериев истины вовнутрь своего «Я», оказываются востребованы мастера и спиритуальные центры; как происходит обучение духовным практикам. На наш взгляд, в ряду этих проблем, обозначенных в отношении духовности, наиболее важной является проблема анализа и систематизация новых форм организации духовных практик, появляющихся под воздействием социально-экономических и мировоззренческих факторов. Все это позволит углубить понимание перспектив развития духовности.

Еще одним основанием актуальности заявленной проблематики является малое число исследований духовности и ее практик в России. Духовные практики становятся заметными по численности участников, а их эффективность и значение становятся предметом обсуждения новых публичных акторов («инфлюенсеров» и «блогеров»). Анализ проблемы организации духовных практик по материалам эмпирических исследований способствует осмыслению основных векторов и механизмов трансформации религиозной жизни России.

Степень научной разработанности темы. Религиоведческий анализ духовных практик и духовности затруднен целым рядом причин: во-первых, обширным и слабоструктурированным зарубежным массивом исследований по теме; во-вторых, особенностью религиоведения как научной дисциплины, имеющей свой предмет, но вынужденной использовать методологию и методы других наук (антропология религии, социология религии, философия религии, история религии, психология религии), а это приводит к многообразию методологических и стилевых оснований исследований проблемных областей; в-третьих, для российского религиоведения духовность, именно в новом значении термина, и духовные практики – это дискуссионные феномены, вошедшие в отечественный академический дискурс в начале XXI в., чем объясняется относительно небольшое число исследований по данной тематике. Вместе с тем проблемная канва позволяет как систематизировать работы, посвященные непосредственно духовности и духовным практикам, так и учесть научные проблемы, возникающие на стыке духовности и иных вопросов религиоведения.

Прежде всего следует выделить работы, описывающие и обосновывающие проблему трансформации религии в современном мире: о приватизации, секуляризации, десекуляризации религии рассуждали: Т. Асад, П. Бергер, Р. Белла, М. Вебер, К. Доббелере, Д. Воас, В. Карпов, Т. О'Ди, Ю. Ю. Синелина, Б. Уилсон, Д. Узланер, Ч. Тейлор, К. Фенн, Ю. Хабермас и др. Исследования, зафиксировавшие и описавшие новые состояния религии и религиозности: Р. Белла (шейлаизм), Э. Бейли (имплицитная религия), Д. Воас (неопределенная религиозность), Г. Деви (вера без принадлежности, викарная религия), Т. Лукман (невидимая религия), Р. Чиприане (рассеянная религия), Д. Эрвье-Леже (лоскутная религиозность, внутренняя религия) и др. О новых типах религиозных организаций, отличающихся от «классического» варианта, описанных М. Вебером, Р. Нибуром, рассуждали: Г. Беккер (культ), К. Кэмпбелл (культуальная среда), Р. Старк и У. Бэйнбридж (аудиторные, клиентские культы, культуальные движения).

По мере осознания происходящих трансформаций религиозной сферы современности, выстраивается религиоведческий дискурс духовности, появляются работы, обосновывающие сам концепт «духовность» и его черты: А. Баркер, П. Бейер, К. Бендер, Р. Ватноу, Д. Воас, Л. Вудхед, Д. Джордан, Х. Кноблаух, К. А. Колкунова, М. Магуайр, Г. Ореханов, Э. Пасе, А. Поссамаи, Е. Д. Руткевич, Д. Руссо, У. К. Руф, С. Сатклифф, Е. А. Степанова, Д. Трейси, Р. Фуллер, В. Ханеграф, П. Хилас, Б. Хусс и др.

Об истории понятия «духовность» и его употреблении писали: Д. Джордан, Б. Хусс, Ф. Шелдрейк, С. Шимазоно и др. Использование понятия «духовность» в разных российских контекстах подробно рассмотрено в трудах: К. А. Колкуновой, Г. Ореханова, К. Руссоле, Е. А. Степановой. Для выявления различий современного религиоведческого дискурса духовности и употребления понятия духовности, характерного для русской философской традиции, мы обращались к работам философов и теологов: С. С. Аверинцева, Н. А. Бердяева, К. Вааймана, Л. Н. Когана, Д. В. Пивоварова, Л. С. Франка, В. Н. Шевченко, Б. И. Шенкмана, В. А. Ядова.

В общем массиве исследований духовности можно выделить отдельные крупные тематические блоки. Вопросами роли женщин в холистической духовности и гендерной составляющей духовности занимались: Н. Аммерман, К. Аун Л. Вудхед, Е. В. Иванова, У. Кинг, М. Макгуайр и др. Психология духовности рассматривалась в трудах: Г. Айронсона, Т. Вудса, К. Паргамента, Б. Циннбауэра, Л. Шахаби, М. Фариаса и др. О связи Нью Эйдж и духовности рассуждали: Ю. Андреева, М. Боуман, А. Поссамаи, А. Раевский, С. Сатклифф, Ф. Джеспер, В. Ханеграф, П. Хилас, М. Хилл, Н. Хори, З. Е. Чернышкова, С. Шимазоно и др.

Важным шагом в осмыслении духовности становится проблематизация духовных практик, форм их существования, духовного капитала. Теоретические работы, затрагивающие проблему религиозного и духовного капиталов, представлены трудами: А. Арат, Б. Вертера, М. Геста, Е. Д. Руткевич, Р. Старка, Л. Ианнаконе, Р. Финка и др.

Исследованиями отдельных духовных практик, вопросами их систематизации, а также связи с такими феноменами современности, как капитализм, постмодернизм и общество потребления занимались: М. Бирч, Л. Вудхед, К. Хузма, М. В. Добровольский, Р. Кедзиор, Р. Козинетс, П. Макларен, С. Оу, А. Поссамай, Д. Риналло, Н. Саркисян, Л. Скотт, Р. Фуллер, П. Хилас, Д. Холлоуэй, Д. Шерри, Д. Экхардт и др.

Непосредственно способы организации духовных практик изучали: П. Хилас (духовные аутлеты) Т. Пелтонен (духовные сообщества). О связи экономики, потребления и способов организации духовных практик писали: Д. Каретте, Р. Кинг, Р. Кедзиор, Р. Козинетс, Д. Риналло. Организационные особенности групп медитации изучались А. Аратом и др.

Тема организации духовных практик не может быть раскрыта без обращения к российскому контексту: к исследованиям, обрисовывающим религиозную картину современной России. Здесь были проанализированы работы религиоведов и социологов об отношении к религии в целом и к разным конфессиям в нашей стране, о формах религиозности и характере ценностей россиян: Д. Барри, И. Г. Гёзаян, Б. В. Дубина, Н. А. Зоркой, К. Каарияйнен, Е. Г. Каргиной, В. Карпова, Е. Кочергиной, Р. Н. Лункина, Е. Лисовской, К. В. Маркина, А. В. Матецкой, М. П. Мчедлова, Д. Б. Петрова, К. Пипии, Т. С. Прониной, Ю. Ю. Синелиной, С. Б. Филатова, Д. Фурмана и др. Региональный аспект религиозной ситуации раскрыт в трудах Е. И. Гришаевой, Н. С. Смолиной, О. М. Фархитдиновой, В. А. Шумковой и др.

Несмотря на такую разностороннюю проработку темы духовных практик, духовности и сопутствующих проблем, остается не до конца исследованной проблема существующих форм организации духовных практик и основных участников. В данном диссертационном исследовании реализован религиоведческий подход к изучению организационных форм духовных практик, основных участников по материалам самостоятельного эмпирического исследования.

Объект исследования: духовные практики.

Предмет исследования: организационные формы и основные участники духовных практик в России.

Цель исследования: выявление и осмысление организационных форм и основных участников духовных практик в России.

Достижение поставленной цели предполагает решение ряда **задач**:

1. Определить основные способы концептуализации феномена духовности и духовных практик в религиоведении.
2. Раскрыть влияние современной религиозной ситуации на появление и развитие духовных практик в России.
3. Выявить и проанализировать организационные формы существования духовных практик, особенности уклада внутри организационных форм, основных участников духовных практик.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в рассмотрении духовных практик в новых российских условиях. Новым является методологический подход к проблеме форм организации духовных практик, основанный на социально-топологическом подходе и элементах социально-экономического подхода, позволяющего описать рыночные аспекты духовных практик.

1. Осуществлен комплексный анализ сложившихся дискуссий о духовности и духовных практиках в религиоведении, повлиявших на возникновение основных теоретико-методологических подходов к ним.

2. Реконструирована и описана религиозная ситуация в современной России как условие для появления и развития духовных практик.

3. На основании собранного материала выделены и проанализированы организационные формы духовных практик и особенности их уклада. Выявлены основные участники духовных практик – мастера и ученики. Исследованы исходные точки обращения к духовным практикам россиян, способы совершенствования в духовных практиках, представления о сверхъестественной силе участников.

4. На основе проведенных интервью и наблюдений собран и осмыслен широкий материал, который позволяет утверждать наличие всех видов организационных форм духовных практик и сложившегося рынка духовных практик в Свердловской области.

Теоретическая значимость работы. В исследовании представлены теоретические положения, которые позволяют оценить процессы трансформации религии в России, переосмыслить некоторые понятия и оптику исследования. Выводы диссертационного исследования имеют значение для переосмысления и современного понимания религиозной картины современной России.

Практическая значимость работы. Результаты исследования могут быть использованы в преподавании курсов и спецкурсов в системе религиоведческого образования. Также данные и выводы эмпирического исследования могут найти практическое применение в сфере государственно-конфессиональных отношений.

Систематизированный материал и выводы диссертации служат базой для дальнейшей исследовательской работы по теме.

Методология и методы исследования. Методология исследования определяется поставленной целью и задачами. В диссертационном исследовании представлена попытка опереться на эвристические и методологические возможности социально-топологического подхода П. Бурдьё и Б. Вертера в отношении духовных практик. Для понимания феномена духовности исследование духовных практик представляется значимым по ряду причин. Во-первых, духовность являет себя миру в форме практик. Интересным и полезным будет рассмотрение практик духовности как живых практик, как действий, которые имеют свою собственную логику. Во-вторых, концентрация исключительно на речевом дискурсе информантов, их интерпретации субъективного опыта, их представлениях об отсутствии внешнего источника авторитета не позволяет дать теоретическое объяснение причин схожести результатов выбора и практик, схожих организационных форм, при декларируемой ими разницы субъективных предпочтений. Поэтому социально-топологический подход оправдывает себя в изучении духовных практик, духовности, форм ее организации, религиозного поля в целом.

Обращение к социально-экономическому подходу в отношении духовных практик позволило прояснить отдельные аспекты рынка религий, связи религии и экономики, духовности и ее практик с потреблением.

Вместе с тем, в диссертационном исследовании используются методы различных социально-гуманитарных наук. В работе применяются общие принципы анализа и синтеза, объективности, систематизации, классификации и теоретического обобщения. Эмпирическое исследование проблемы организационных форм духовных практик проводилось в русле качественной методологии, что позволило вскрыть смысловое содержание проблемы. Основными методами сбора эмпирических данных стали:

– полуформализованное интервью (проведено в 2018-2020 гг., 41 человек). Методика построения выборки осуществлялась по методу снежного кома. Кроме этого, присутствовали элементы квотной выборки: выбирались информанты, имеющие различное образование (высшее, среднее специальное), проживающие в разных по размеру городах Свердловской области, обладающие различным семейным статусом, относящиеся к разным возрастным группам (от 23 до 62 лет), имеющие различный статус в духовности (мастера духовных практик и ученики). Такая выборка должна была способствовать выявлению универсальных черт форм существования и организации духовных практик, не зависящих от таких переменных, как образование, место проживания, семейный статус, возраст, роль

мастера или ученика. Обработка транскрибированных интервью проводилась с помощью методики кодирования в рамках обоснованной теории А. Страусса и Дж. Корбин;

- включенное наблюдение за деятельностью и внутренним распорядком спиритуальных центров и независимых мастерских, организующих духовные практики. Данные включенных наблюдений были собраны в 2014, 2017–2020 гг. в ходе посещения занятий и гостевых встреч, проводимых спиритуальными центрами и независимыми мастерами города Екатеринбурга;

- контент-анализ изображений. Был представлен изучением изображений, размещенных на сайтах спиритуальных центров, что позволило получить значимые результаты для реконструкции адресата центров, содержания их посылы.

При описании российского и регионального контекстов духовных практик автор прибегал к данным социологических опросов и исследований. Также использовались данные с сайтов, страниц мастеров и спиритуальных центров в социальных сетях, с сайтов-агрегаторов духовных практик и мастеров.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. В религиоведении обращение к духовности связано с необходимостью анализировать трансформации, которые произошли и продолжают происходить в религиозном поле, начиная со второй половины XX в. Введенный в научный оборот концепт духовности был призван отразить появление на религиозном поле новых участников, не имеющих отношения к сложившимся религиозным системам, дистанцирующих себя от религии, при этом ограниченно опирающихся на элементы религиозного сознания и использующих отдельные элементы различных религиозных культов внутри транслируемых ими эклектических идей и практик. В религиоведческих дискуссиях о духовности сформировались два подхода: эссенциальный и эволюционный. И первый, и второй подходы признают такую особенность духовности, как ее ориентированность на практику. Духовные практики позволяют людям оставаться не вовлеченными в конфессиональные религиозные обязательства, обеспечивают переживание встречи со сверхъестественной силой (по представлениям искателей духовности), формируют у индивида субъективное ощущение роста жизнестойкости.

2. Выявленный российский религиозный и ценностный контекст способствует обращению к духовным практикам россиян. Проанализированные нерелигиозные причины идентификации с определенной конфессией имеют важные следствия: низкую ценность конфессионально-оформленной жизни как таковой; недоверие и враждебность к иным религиям и, особенно, к новым религиозным движениям; поиск ответов на экзистенциальные вопросы вне сложившихся религий. В структуре ценностей россиян

религия и вера в бога не занимают доминирующие позиции, превалируют ценности секулярного типа. Таким образом, безопасное конструирование своего внутреннего мира без риска попасть в «другие» и «сектанты» может происходить через конформистское сохранение самоидентификации с определенной конфессией, в сочетании с индивидуальным погружением в мантику, эзотерику, альтернативную медицину, прикладные аспекты иных религиозных и культурных традиций и т. п.

3. Выделены формы организации духовных практик: спиритуальные центры, индивидуальные мастерские, домашние группы. Внутри выделенных организационных форм сложились и устойчиво воспроизводятся паттерны, проявляющиеся в организации занятий духовными практиками. Сама внутренняя организация занятий духовными практиками одновременно пронизана идеями духовности и экономической рентабельности.

Основными участниками внутри спиритуальных центров и индивидуальных мастерских являются мастера и ученики. Опыт погружения в духовные практики приводит к трансформации мировоззрения: окружающий мир начинает мыслиться в категориях сверхъестественного. Изначальный прагматический посыл учеников, направленный на решение личных проблем, под воздействием мировоззренческих изменений трансформируется в направленность на поиск гармонии, внутренней целостности, связи со сверхъестественными силами и т. д.

Степень достоверности результатов исследований определяется обоснованностью теоретических положений, применением научных методов в процессе сбора и анализа эмпирических данных; системным характером исследования организационных форм духовных практик; высоким уровнем знакомства с религиоведческими исследованиями духовности.

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждалась на кафедре онтологии и теории познания Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Отдельные аспекты и сюжеты диссертации легли в основу докладов на научных конференциях и круглых столах: XX Международная конференции памяти профессора Л. Н. Когана “Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования”, 2017, Екатеринбург; X Международная конференция РАИЖИ и ИЭА РАН “Сила слабых: гендерные аспекты взаимопомощи и лидерства в прошлом и настоящем”, 2017, Архангельск; Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием “Мокроносовские чтения – 2017”, Екатеринбург; Круглый стол “Религия и религиоведение на Урале”, Екатеринбург, 2017; IV Конгресс российских исследователей религии “Религия как фактор взаимодействия цивилизаций”

Благовещенск, 2018; Конференция с международным участием, посвященная 75-летию со дня рождения профессора Д. В. Пивоварова “Синтетическая парадигма: наука, философия, религиоведение”, 2018, Екатеринбург; II Конгресс Русского религиоведческого общества “Религия и религии: дискурсы и практики”, 2019, Санкт-Петербург; V Конгресс российских исследователей религии “Религия и атеизм в XXI веке”, Санкт-Петербург, 2021.

Основные результаты исследования отражены в 14 публикациях: 8 статей опубликовано в рецензируемых научных журналах, определенных ВАК РФ, в том числе 1 статья в базе цитирования WoS; 6 – в других изданиях. Общий объем печатных листов – 4,66 п. л., авторский вклад Кузнецовой О. В. – 4,1 п. л.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка использованной литературы, включающего 215 наименования. Объем диссертации составляет 254 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обоснована актуальность, представлена степень разработанности темы, сформулированы объект и предмет исследования, определены цели и задачи, теоретико-методологическая основа, теоретическая и практическая значимость работы, научная новизна.

Первая глава диссертационного исследования «**Феномен духовности и духовные практики как объекты исследования в религиоведении**», состоящая из трех параграфов, носит теоретико-методологический характер. В ней дан обзор религиоведческих исследований, интерпретирующих духовность и духовные практики, а также выявлен социально-исторический контекст развития духовных практик в России.

В параграфе 1 «**Способы концептуализации и описания феномена духовности в религиоведении**» представлен анализ подходов к духовности в современной науке о религии, по результатам которого были выделены два подхода: эссенциальный и эволюционный. Становление этих подходов связано с религиоведческими дискуссиями, развернувшимися вокруг ряда проблем. В диссертации исследованы данные дискуссии: по проблемам специфических черт духовности, о сходстве и различии духовности с религией, о связи духовности с Нью Эйдж. В поисках путей решения этих проблем происходила концептуализация духовности как постепенно развивающегося явления.

Результатом дискуссий исследователей о специфических чертах духовности стал консенсус относительно ее сущностных характеристик: 1) подчеркивается дистанция носителей духовности от организационно-оформленной религии и ее догматических

систем; 2) отмечается наличие представлений о сверхъестественных силах, которые не приводят к возникновению конкретной теологической системы; 3) фиксируется сосредоточенность искателей духовности на практической стороне духовности, в том числе в отношении сверхъестественных сил; 4) акцентируется сосредоточенность на своем «Я»; 5) отмечается концентрация духовности на настоящем и повседневности; 6) указывается на индивидуальные практики поиска экзистенциальных смыслов, которым свойственны эклектичность и плюрализм; 7) холизм определяется как цель и инструмент духовного пути; 8) для духовных практик характерно тяготение к неиерархическим и изменчивым формам организации; 9) подчеркивается значительное присутствие женщин в духовности и в духовных практиках.

Проблема обсуждения сущности духовности приводит к дискуссии о сходстве и различии духовности и религии или об обозначении их границ. Обнаружены разногласия, которые выстраиваются вокруг подходов и интерпретации самой духовности: часть исследователей определяют духовность как нечто отличное от религии, как направленную исключительно на индивида и предстающую как субъективный «проект одухотворения себя», в русле такого понимания индивид предстает как центр духовности. Такой подход обусловлен взглядами его приверженцев на религию, в первую очередь, как на социальный институт, обладающий жесткой структурой и религиозной бюрократией, характеризующийся сложившимся вероучением и культом. А духовность, в противовес, интерпретируется как нечто иное, субъективное, «живое». Такой способ разграничения религии и духовности (по институциональному признаку) возможен, но такой подход имеет свои ограничения и применим при условии рассмотрения религии исключительно как социального института без экзистенциального измерения, что вызывает споры. Иной подход (эволюционный) возникает, когда духовность рассматривается как современный вариант религии, явившийся следствием процессов секуляризации и десекуляризации, развития постмодернизма и позднего капитализма и т. п. Общего согласия по проблеме разграничения религии и духовности в религиоведении нет, поэтому дискуссии по данной проблеме продолжаются.

Для решения задач исследования осуществлен анализ работ, интерпретирующих духовность как продолжение, этап, в развитии Нью Эйдж. При этом сама духовность в религиоведении стала основанием, повлекшим пересмотр взглядов на Нью Эйдж и религию в целом. Явление духовности порождается теми же процессами, которые повлияли на возникновение и развитие новых религий, новых религиозных движений, Нью Эйдж во второй половине XX в. Новые религии, Нью Эйдж и духовность показаны как отдельные явления: для новых религий, пусть в видоизмененной, а часто в усеченной форме

характерно наличие относительно устойчивого религиозного комплекса, что не характерно для духовности. Обнаруживается сходство духовности с Нью Эйдж, особенно с его идеями восхождения, синтеза, контакта. Нью Эйдж к 80-м гг. XX в. утрачивает свое эсхатологическое, контркультурное содержание и ему на смену приходит духовность, включившая в себя ньюэйджеровские практики и идеи.

Результатом аналитического рассмотрения современных исследований стал вывод, что духовность имеет отношение к религии, так как в ней присутствует вера в сверхъестественные силы, вызывающая желание у искателей духовности установить с ними контакт. Духовность может быть рассмотрена как одна из форм сильно изменившейся религии, прошедшей через культурные и социальные процессы XX – начала XXI вв., проявляющаяся в иных ценностях, нормах, материальных объектах. Всё это позволяет поддержать исследователей, определяющих духовность как набор идей и практик аморфной культовой среды, сформировавшихся во второй половине XX в. Итак, намеченные в параграфе контуры понимания духовности позволяют перейти к изучению ее практик.

В параграфе **1.2. «Духовные практики как объект религиоведческого исследования: теоретико-методологические подходы»** выявлены и проанализированы подходы изучения духовных практик в религиоведении, изучены сложности анализа духовных практик, определена теоретико-методологическая рамка исследования.

Осуществлен критический разбор антропологического подхода, внутри которого выявлен широкий круг эмпирических исследований индивидов и отдельных групп, вовлеченных в духовность. В каком бы виде духовные практики ни представали перед исследователем, в первую очередь они востребованы здоровыми, образованными и довольно успешными людьми, поэтому не могут быть исключительно следствием отчаяния и незнания (Р. Фуллер). Исследования групп, занимавшихся духовными практиками, демонстрируют особый акцент на телесных духовных практиках, столь важных для духовности, так как вера в сверхъестественного агента может возникать внутри них (Д. Холлоуэй). В рамках антропологического подхода, исследования того, как и где люди совершают духовные практики, как они описывают необходимость этих практик позволяют сделать вывод, что практики удовлетворяют потребность индивида во встрече с сверхъестественной силой, а также стимулируют субъективные представления о повышении жизнестойкости.

На основе изучения социально-топологического подхода выявлено различие в состояниях религиозного поля. Первое и второе состояния поля зафиксировано П. Бурдье, который указал на появление новых участников в поле и на изменение их позиций. Первое

состояние поля перестало существовать к 80-м гг. XX в. Оно характеризовалось наличием классических агентов, выделенных ещё М. Вебером (церковь, пророк, колдун). Второе состояние поля свойственное современности, характеризуется появившимися в нем новыми участниками (мастера духовности, спиритуальные центры) и перераспределением их позиций в поле: произошло «растворение религиозного в более широком поле, сопровождающееся утратой монополии на лечение душ в старинном смысле»¹. Социально-топологический подход, заложенный П. Бурдьё и дополненный идеями Б. Вертера, позволяет объяснить конкуренцию между новыми и старыми участниками поля.

Ещё один подход в исследованиях духовных практик обозначен нами как социально-экономический и представлен широким спектром работ, раскрывающих отдельные аспекты взаимосвязи религии и экономики, а также методологические возможности описания религии и духовности в экономических понятиях. В основе этого подхода лежат: теория рационального выбора, концепции религиозного рынка, религиозной экономики, религиозных фирм. Модели религиозного капитала Р. Л. Яннаконе, Р. Старка и Р. Финка применимы для описания капитала на индивидуальном уровне, однако эти модели не определяют капитал как объект конкуренции, а также не проясняют, как он обменивается, что, в контексте данного исследования, видится нам недостатком.

Внутри социально-экономического подхода выделено направление, исследующее связь духовных практик с потреблением. Существенный тезис А. Поссамаи о возможности рассмотрения духовности и ее практики как проявлений потребительской религии (возникшей вследствие распространения идей постмодернизма и развития позднего капитализма) позволило диссертанту понять условия выбора духовных практик и поведение участников практик как «гиперпотребителей». Другое важное положение для диссертационного исследования содержится в работах Р. Кедзиора, Д. Риналло, Л. Скотта и П. Макларена, которые указали на смешение в духовности элементов сакрального с рыночной экономикой и показали, то как отсутствие устоявшейся ортодоксальности и рукополагаемого духовенства расширяют возможности запуска новых духовных продуктов.

Рынок религии с его правилами и игроками, характерен для современного состояния религиозного поля. Соответственно, рынок религии может быть рассмотрен как специфика этого поля, в логике П. Бурдьё и Б. Вертера. Также социально-топологический подход позволяет рассматривать выбор духовных практик не только как исключительное следствие индивидуального рационального выбора человека, но и как следствие сложившихся

¹ Бурдьё П. Разложение религиозного // Начала. Choses dites. М. : Socio-Logos. 1987. С. 151.

структур. В диссертационном исследовании обращено внимание на характерную для современного общества повышенную ответственность индивида за самого себя: индивид, получает все больше возможностей самостоятельно определять свое образование, карьеру, заботиться о здоровье, он ответственен за свое счастье и несчастье. Эта же логика распространяется на область религии/духовности и духовные практики. Человек должен осуществить наилучший выбор в разных сферах, в том числе и в религиозной. При этом критерии выбора во многом определяются индивидом. Описанное поведение духовных искателей в религиозном поле свидетельствует о высоких рисках инвестиций в одну альтернативную духовную практику, это приводит к диверсификации ресурсов индивида. Выявленные в первом параграфе работы элементы духовности: универсализм, холизм, крайний индивидуализм, концентрация на поисках особого пути – выступают внутренней ментальной конструкцией, помогающей человеку как просто действовать, так и перераспределить свои ресурсы.

На основе рассмотренного сделан вывод о социально-топологическом подходе, как обладающем наибольшими эвристическими перспективами для исследования духовных практик и их организационных форм.

В параграфе **1.3 «Современная религиозная ситуация в России как условие появления и развития духовных практик»** представлен анализ условий, способствующих появлению и развитию духовных практик в России. Для понимания причин популярности духовных практик рассмотрены исследования религиозности позднесоветского времени и современности, религиозной самоидентификации россиян и их представлений о ценностях, о различных религиях, изучены данные о внеконфессиональной религиозности россиян.

Выявленные условия развития духовных практик представлены как влияющие на восприятие и распространение духовности. Быстрое обращение советского человека к религии начинается с ослаблением влияния атеистической идеологии в перестроечное время. Однако рост религиозной самоидентификации, начавшийся в 80-е гг. XX в. и продолжившийся до середины 00-х годов XXI в., не сопровождался массовым ростом религиозной веры и увеличением числа россиян, глубоко вовлеченных в религию (высоко воцерковленных), т. е. людей, обладающих фактической религиозностью как комплексом поведенческих практик. Данные социологических опросов показывают небольшое количество высоко воцерковленных, а также значительную разницу между теми, кто верит в бога и относит себя к определенной конфессии.

Проанализированы нерелигиозные причины религиозной самоидентификации россиян для решения диссертационных задач. Ряд исследователей объясняют такую

религиозную самоидентификацию социальной травмой постсоветского человека и попытками ее преодоления. Религиозная самоидентификация без религиозного опыта – это существенная составляющая идентичности постсоветского человека как государственного подданного. Подобная самоидентификация выступает способом различения своих и чужих (Б. В. Дубин, Н. А. Зоркая, Т. С. Пронина, Е. Г. Каргина). Другой способ интерпретации нерелигиозных причин религиозной самоидентификации предполагает анализ сквозь призму этнической и национальной общностей: люди сами воспринимают, воображают и формулируют взаимосвязь своей национальной, этнической принадлежности и религии, вследствие чего возникает этнодоксия – система верований, жестко связывающая этническую идентичность группы с ее доминирующей религией (В. Карпов, Е. Лисовская, Д. Барри). Еще одна интерпретация религиозной самоидентификации указывает на культурную составляющую, а именно на феномен «культурной религиозности», который отражает мировоззренческие, идеологические позиции человека, но не саму религиозность в прямом смысле (С. Б. Филатов, Р. Н. Лункин, Ю. Ю. Синелина).

Анализ российских контекстуальных условий показывает присутствие тенденций и явлений, способствующих возникновению и распространению духовности. В работе зафиксировано отношение россиян к иной религиозности как крайне настороженное, отмечено присутствие представлений об иерархии религии, выстроенной по организационному признаку (церковь, секта). Религия и вера в бога в структуре ценностей россиян не занимают лидирующих позиций, сами ценности являются индивидуалистическими и секулярными. Настороженное отношение к другим религиям, к проявлениям иной религиозности, существующий характер ценностей россиян формируют благоприятный фон для распространения духовных практик в России.

В параграфе сделан вывод, что нерелигиозные причины религиозной самоидентификации, особенности отношения россиян к религии имеют важные последствия. В этих условиях духовность, со своими адаптивными структурами, системой ценностей и предлагаемым образом жизни, становится серьезным конкурентом старым и новым религиям на отечественном религиозном поле.

Вторая глава диссертационного исследования «Духовные практики: организационные формы, уклад, участники» состоит из трех параграфов, посвящена анализу организационных форм духовных практик, специфике организации проведения занятий духовными практиками внутри этих форм, особенностям участников духовных практик.

В параграфе 1 «Организационные формы духовных практик» на основе собранного и проанализированного эмпирического материала были выделены следующие

организационные формы духовных практик: спиритуальные центры, индивидуальные мастерские, домашние группы.

К спиритуальным центрам отнесены все заведения, проводящие занятия духовными практиками и имеющие относительно выраженную организационную структуру (руководство, штат духовных мастеров), а также стабильное местоположение в пространстве. Спиритуальные центры показаны как центры притяжения искателей духовности, выполняющие связующую функцию между мастерами и их учениками. Каждый из центров представлен как организационная структура имеющая свой бренд, определенную репутацию и аудиторию. Духовные практики, проводимые в этих центрах, в большинстве своем осуществляются на коммерческой основе. Плата за обучение, услугу заранее известна участникам, она оговорена по своему размеру и времени, и по этому признаку не может быть рассмотрена как пожертвование. В спиритуальных центрах встречается пожертвование, но гораздо реже. Отмечены признаки, позволяющие зафиксировать сходство спиритуальных центров и учебных, досуговых или медицинских центров (декорации, расписание, результат посещений и т. п.).

Выявленные причины появления индивидуальных мастерских, как формы организации духовных практик, детерминированы деятельностью независимых мастеров. К этому типу организационных форм духовных практик отнесены кратковременно возникающие сообщества для осуществления практик, организуемые отдельными, независимыми от спиритуальных центров, мастерами в строго установленный период времени. Для индивидуальных мастерских характерно отсутствие стационарного места проведения занятий, одновременное выполнение ролей мастером духовных практик и менеджера (что их отличает от спиритуальных центров). Выявленная дискретность духовных практик, слабые и кратковременные связи между участниками, наличие оплаты за участие в практике позволяют найти общее между индивидуальными мастерскими и спиритуальными центрами.

Обнаруженные формы организации духовных практик пересекаются. Спиритуальные центры: могут выступать в качестве площадок для проведения единичных мероприятий независимыми мастерами. Для независимых мастеров и спиритуальных центров характерна организация трэвел-групп, выездные мероприятия для осуществления духовных практик. Спиритуальные центры могут быть инициаторами разовых мероприятий, проводимых мастерами на территории центра. Общая сфера деятельности, общий потребитель духовных практик, выявленная общность идей способствуют пересечению таких организационных форм, как спиритуальные центры и индивидуальные мастерские.

Анализ содержания деятельности спиритуальных центров и индивидуальных мастерских позволяет сделать вывод о встраивании транслируемого духовного знания в ценностную систему участников духовных практик и восприятию знания как полезного, практического, помогающего добиться успеха, решить проблемы, расслабиться. Таким образом, спиритуальные центры и индивидуальные мастерские выступают в качестве образовательных центров, предлагающих программы саморазвития. Данные организационные формы духовных практик в максимальной степени ориентированы на прагматическое практическое изучение своего «Я» на рынке услуг.

Еще одной выявленной формой организации духовных практик являются домашние группы, для которых характерно наличие стационарной площадки проведения духовных практик (дом, квартира, место, принадлежащее кому-то из участников). Принципиальное отличие домашних групп от вышеназванных организационных форм заключается в присутствии интенсивных связей между участниками духовных практик. Домашней группе присущ неформальный характер, проявляющийся в наличии дружеских отношений, сопричастности, взаимопомощи между участниками группы. В такие группы, как правило, входят «свои» (члены семей, друзья, близкие знакомые, т. е. люди, которых можно описать как ближний круг общения). Еще одно выявленное существенное отличие домашних групп (от спиритуальных центров и индивидуальных мастерских) – отсутствие оплаты за получение знаний и навыков.

Сделан вывод о разнообразии организационных форм духовных практик (спиритуальные центры, индивидуальные мастерские, домашние группы), что позволяет духовным искателям найти подходящий для себя вариант осуществления духовных практик.

В параграфе 2 **«Особенности внутреннего уклада спиритуальных центров, индивидуальных мастерских, домашних групп»** исследованы механизмы удовлетворения потребностей духовных искателей внутри различных организационных форм, рассмотрены особенности проведения занятий, составления расписания, а также вещный мир, наличие площадок для обсуждения духовных практик, реклама центров и мастерских, оплата.

Занятия в спиритуальных центрах и мастерских представлены как организованная деятельность человека, проходящая в конкретное время и направленная на получение различных духовных знаний и навыков. Анализ планирования и проведения занятий внутри спиритуальных центров и индивидуальных мастерских позволил выявить специализацию центров и мастеров на отдельных видах духовных практик и мероприятий, что порождает специфику организации отдельных заведений. Для всех спиритуальных центров

ассортимент занятий достаточно широк по форме и содержанию. В содержательном отношении занятия определяются идеями духовности, присутствуют разнообразные сочетания психологии, религии, эзотерики, философии, науки, этнических традиций, псевдомедицинских телесных практик и т. п. Спецификой построения курсов является их принципиальная совместимость. Изучено движение ученика между курсами, которое осуществляется либо по вертикали (от азов к мастерству), либо по горизонтали (между разного рода занятиями). Как правило, горизонтальное перемещение учеников между курсами встречается чаще, что объясняется: холистическим мировоззрением участников духовности, уравнивающим разные виды духовного опыта; значительным количеством занятий в форме тренингов и курсов, изначально спланированных как единичные мероприятия. Еще одной причиной является ориентация спиритуальных центров на запросы участников духовных практик, стремящихся к постоянному поиску нового и лучшего, соответствующего их потребностям и финансовым возможностям в конкретный момент времени.

Расписание занятий является одновременно и документом, связывающим в единую систему все звенья процесса обучения духовным практикам, и дисциплинарной практикой, регламентирующей работу учеников и мастеров. В диссертационном исследовании выявлены два типа расписания: первый задается организатором духовных практик (регулярное и временное расписание); второй – индивидуальное расписание ученика, созданное в соответствии с его целями и ресурсами (выборочно основывается на первом типе расписания, но в отдельных случаях может быть полностью вне такового). Сетки расписаний организованы так, чтобы ученик мог в удобном для себя режиме заниматься духовными практиками, своеобразно сочетая нужные ему курсы, тренинги, семинары и т. п. Изученные нами расписания составлены с учетом принципов экономической эффективности для центров и мастерских, и в то же время с учетом гибкости и комфортности для всех участников духовных практик.

Вокруг занятий духовными практиками возникают площадки для обсуждения духовных практик. Это коммуникативное пространство между учениками, между мастером и учениками, расположенное внутри самого процесса обучения (но вне основных занятий) для обсуждения хода работы и результатов, в том числе для решения практических сложностей освоения. Это, как правило, онлайн-площадки, создаваемые организаторами духовных практик. Так как знание о том, как все устроено в мире и как практиковать духовность, дается в недогматической форме и носит неконкретный характер, все это рождает необходимость обсуждения. Сами духовные практики подразумевают значительное индивидуальное понимание происходящего во время них. Соответственно,

критерий «правильности» протекания духовной практики тоже должен находиться внутри практикующего индивида. Мастер только направляет, а большую часть работы по саморазвитию и выстраиванию своего критерия «правильности» протекания духовных практик должен проделать сам ученик. Эмпирические данные позволяют зафиксировать недопонимание учениками элементов практик, но при этом прослеживается желание найти ответы на интересующие вопросы, определенное внутреннее напряжение, вызванное отсутствием простых и однозначных ответов, присутствует интрига открытия, и это тоже способствует вовлечению учеников в обсуждение практики. Вопросы «как понять?» и «как лучше?» снимаются, в том числе через обмен мнениями и обсуждение трудностей процесса духовных практик. Индивидуальные истории позволяют на доступных конкретных примерах соотнести свой опыт занятий духовными практиками с опытом Другого, не прибегая к догматическим схемам. В конечном счете, это помогает ученику разобраться со сложными вопросами конкретной духовной практики.

Мир вещей мест осуществления духовных практик носит мобильный и интерактивный характер: вещи не образуют постоянных предметных групп; большинство вещей не являются табуированными объектами; скопления вещей не позволяют идентифицировать зоны помещения как сугубо сакральные или профанные. Предметная грамматика или правила расстановки вещей спиритуального центра, во многом, задаются его сотрудниками. Но не все разнообразие материального мира становится очевидным ресурсом, а только то, что осознано участниками как важные вещи в контексте конкретной ситуации. Самыми распространенными вещами, презентующими мастеров и сами центры, являются свидетельства об их квалификации («дипломы в рамках»). Через демонстрацию свидетельств о светском и духовном образовании и достигнутых уровнях адресату посылается сообщение об общественном признании и качестве услуг. «Дипломы в рамках» вписываются в логику линии передачи знания от учителя к ученику, что отчасти напоминает мистико-эзотерическую традицию передачи знания. Сочетание светского образования с духовными курсами и тренингами вписывается в логику духовности. Упоминание дипломов и сертификатов важно в контексте процесса обучения и демонстрации реальности процесса обучения и его результатов. Практика демонстрации свидетельств квалификации является стабильной и перешла из офлайн в онлайн-пространство.

Духовные практики, проводимые спиритуальными центрами и индивидуальными мастерскими, в большинстве своем осуществляются на коммерческой основе. По результатам интервью с мастерами и учениками, выявлены два основных нарратива об оплате: 1) гармония; 2) ценность и цена. Первый нарратив концентрируется вокруг

представлений о гармонии. При этом он внутренне неоднороден и передается через идеи баланса и обмена. Так, баланс представляется универсальным законом, действующим во Вселенной. Важность обмена как инструмента создания баланса осознается. Более того, проговариваются негативные последствия его нарушения. Выявлена еще одна плоскость интерпретации обмена: он воспринимается как важный формальный инструмент в работе с клиентами. Обмен делает отношения между мастером и его клиентом прозрачными и договорными, ограниченными во времени и пространстве. Второй нарратив концентрируется вокруг представлений о ценности самих занятий, их результатов и цене. Несмотря на то, что ценности могут информантам представляться как метафизические (например, вселенская гармония) или полностью практические (решение конкретной личной проблемы), и первые, и вторые подкрепляются через факт оплаты. Внутри среды существует консенсус, что ценные навыки и знания имеют свою цену в материальном выражении, однако прямой зависимости духовной ценности и ее материальной цены или, своего рода, «духовного тарифа» нами не было обнаружено. Меркантильное зарабатывание денег мастерами, резкий немотивированный подъем цены занятий духовными практиками осуждаются учениками, которые планируют и учитывают свои ресурсы и выстраивают личные эффективные экономические стратегии.

Анализ внутреннего уклада спиритуальных центров и индивидуальных мастерских позволил выявить наличие сложившегося порядка в организации духовных практик, который пронизан идеями духовности, экономической рентабельности и комфорта.

В параграфе 3 «Участники духовных практик: мастера и ученики» определены основные действующие лица духовных практик: ученики и мастера.

Мастер является лицом, организующим духовную практику (как правило). Это человек, достигший высокого уровня в своем деле, наставник в духовных практиках. Мастера не связаны обязательствами с какими-либо религиозными организациями и, как правило, обучают, проводят занятия, консультации по авторским методикам. Обнаружено отсутствие зависимости между возрастом, полом и статусом мастера, характерной для ряда религиозных традиций.

Успешность мастера зависит от его личного опыта постижения духовных практик и постоянного расширения компетенций. Мастера активно стремятся к наращиванию своих компетенций: все информанты-мастера уже проходили или проходят новое обучение, или планируют его в скором времени. Выявлено, что образование в области духовных практик является одним из источников духовного капитала мастеров, однако, в нашем случае, есть ряд особенностей. В случае духовности, нет организации подобной церкви, которая бы монопольно контролировала образование и осуществляла легитимацию религиозного

специалиста. Отсутствует единственно возможный вариант получения образования, который бы служил эталоном или выполнял функцию образовательного минимума. Если для многих существующих религий религиозное образование (теория) определяет практическое мастерство религиозного специалиста, то в духовности эта система неочевидна. Чтобы стать мастером духовных практик, требуется «работа», понимаемая средой как опыт личного развития и преобразования (будь то обучение различным духовным практикам или специализация на одной). Безусловно, мастер – это человек, обладающий накопленным трудом в форме теоретического и практического мастерства, однако соотношение значимости вида мастерства в духовности и структурно оформленной религии различается. В рамках духовности главенствуют практическое мастерство и умение мастера им поделиться с учениками, на чем в значительной мере строится авторитет мастера.

По материалам эмпирического исследования выявлен дискурс «профессионализма и дилетантизма», конструируемый мастерами, который выстраивается вокруг оценки деятельности коллег на рынке духовных практик. В содержании дискурса «профессионализма и дилетантизма» можно выделить несколько тем, вокруг которых выстраивается «профессиональная» коммуникация. Также в этом дискурсе присутствует определенное противоречие, характерное для духовности, для которой субъективное индивидуальное «Я» выступает критерием истины, а свободный эклектизм и холизм затрудняют создание единственно правильного варианта нормы. Профессия и профессионализм всегда связаны с определенными четкими нормами, регулируемые профессиональными сообществами, а дилетантизм – это незнание или отклонение от профессиональных норм. Однако, в специфическом дискурсе «профессионализма» в рамках духовности, такая логика не работает. Условно «незаконное» присвоение, трансформация популярных духовных практик постоянно происходит на уровне мастеров. Но так как, с одной стороны, авторитет мастера во многом строится именно на его накопленном практическом опыте духовных практик и умении им поделиться, а с другой, не существует формальных институтов, задающих жесткие правила, проблема профессионализма остается нерешенной. В отсутствие инструментов для решения вышеуказанной проблемы, в среде мастеров и учеников большую роль играет репутация мастера. Для духовности, это определенный показатель успешной и качественной работы и в то же время – средство привлечения учеников.

Важнейшая задача мастера – помощь в освоении духовной практики как практического мастерства. Для ее выполнения мастерам приходится на всех этапах погружения новичков в духовную практику тщательно организовывать свою работу.

Независимо от организационной формы, мастер отвечает за разработку занятий, сталкивается со всеми проблемами деятельности педагога. Выяснено, что обучение людей практическим навыкам духовности усложняется проблемой операционализации используемых понятий в духовности: «энергия», «поток», «вихрь», «пульсация на верхних чакрах», «дыхание яичниками» и т. п. Мастера транслируют ученикам минимальную инструкцию для успешного опыта духовной практики и оставляют значительное место для ее прочтения учениками, тем самым, обеспечивают индивидуализацию духовного поиска. Таким образом, мастера, скорее, направляют духовных искателей, чем обучают строгим систематизированным правилам совершения и понимания духовной практики. Еще одной задачей мастеров является отслеживание успехов своих учеников. В среде духовных искателей успешный результат может формулироваться в терминах достижения искомой цели (например, решение конкретных личных проблем, обретение гармонии, ощущение энергий, озарение, успокоение ума, встреча со сверхъестественным агентом и т. д.).

Для выявления особенностей учеников в диссертационном исследовании были вскрыты исходные точки обращения к духовным практикам и варианты таких точек. Первый вариант исходных точек сопряжен со сверхъестественным призванием и переживаниями. Второй вариант, более распространенный, связан с попытками решений конкретных психологических и социальных проблем индивида, с поиском гармоничного состояния, с нацеленностью на успех, счастье и т. п. Состояние или проблемная ситуация приводят человека к некоему поиску. В исследуемых случаях, среди выбираемых способов решения проблем начинает доминировать духовный инструмент с характерными для духовности практиками. Использование такого специфического инструмента, как правило, приводит к трансформации мировоззренческих взглядов: внутренний и окружающий миры, теперь мыслятся в категориях духовности. Духовный поиск становится для участников доступным способом контроля над жизнью, жизненными ситуациями, в том числе, над внутренней жизнью. Стремление к контролю и управлению появляется из-за ощущения нестабильности, изменчивости, зыбкости, неудовлетворенности жизненными ситуациями или состояниями, которые были зафиксированы как исходные состояния.

Представленные в параграфе результаты изучения мастеров и учеников способствовали пониманию сложившихся особенностей, характерных для участников духовных практик.

В третьей главе «Тенденции развития духовных практик: организационные и содержательные особенности», состоящей из двух параграфов, представлены результаты исследования тенденций, характерных современным российским духовным практикам (на примере Свердловской области). Для выявления организационных особенностей духовных

практик исследованы популярные виды духовных практик, распространенные формы организации и форматы занятий духовными практиками, региональная аудитория. Содержательный аспект духовных практик раскрыт через анализ представлений участников практик о сверхъестественной силе.

В параграфе 1 **«Региональные аспекты духовных практик и их организационных форм: распространенность, виды практик, участники»** проведен анализ духовных практик с точки зрения видов и форм проведения практик, использования мотивов религиозных систем, количества участников, темпоральности, востребованности, адресата.

Изучение рынка духовных практик позволило интерпретировать расположение спиритуальных центров в регионе: чем крупнее город, тем с большей вероятностью в нем будет спиритуальный центр, в сельской местности их нет. В силу отсутствия спиритуальных центров в ряде городов, духовные практики осуществляются через деятельность независимых мастеров в онлайн и офлайн форматах. Виды духовных практик, реализуемые в спиритуальных центрах Екатеринбурга, разнообразнее, чем в городах области.

Выделение видов духовных практик проведено с учетом исходных точек участников, т. е. ориентации на решение определенной проблемы: 1) практики прогнозирования будущего; 2) практики исцеления; 3) практики духовного самопознания и расширения своих возможностей; 4) практики увеличения благосостояния; 5) практики развития женского начала; 6) практики, направленные на решение семейных проблем. Отметим, что, с точки зрения содержания, одна практика может быть направлена на решение нескольких проблем. В диссертации выявлены наиболее востребованные духовные практики у жителей региона – это практики, направленные на развитие женского начала, прогнозирования будущего и исцеление.

По результатам анализа выявлен основной адресат или целевая аудитория подавляющего большинства духовных практик – это женщины экономически активного возраста. Ориентация на эту аудиторию подтверждается существующими специализированными спиритуальными центрами, наименованиями самих практик, отражающими их специфически женский характер. Ориентация на женскую аудиторию обнаруживается в изображениях и текстах спиритуальных центров и в интервью с мастерами и участниками практик.

Духовные практики осуществляются в форме разнообразных занятий, независимо от организационной формы (спиритуальный центр, индивидуальная мастерская); характерны онлайн и офлайн форматы проведения занятий, проводятся групповые и индивидуальные

занятия, семинары, курсы, лекции, консультации, сеансы, мастер-классы, фестивали, марафоны, путешествия, игры, тренинги и др. Примером значимого события для участников духовных практик, позволяющим познакомиться с многообразием духовных практик является ежегодный фестиваль «Пирамида света», в рамках которого на протяжении нескольких дней в Екатеринбурге можно познакомиться с мастерами, попробовать отдельные практики и т. п.

Данные свидетельствуют о постоянных наборах в группы занятий по духовным практикам. Размеры групп могут колебаться от нескольких человек до нескольких десятков человек. По продолжительности духовные практики делятся от одного часа до нескольких месяцев. Многомесячное обучение, как правило, включает в себя теоретические и практические занятия конкретной разновидностью духовной практики и ориентированы на желающих стать мастерами. Обычно обучающие курсы центров и мастеров укладываются в одно занятие, один-три дня, неделю, реже – в месяц.

Цены участия в духовных практиках зависят от многих факторов: формат проведения занятий (онлайн/офлайн), известность и популярность мастера, место практики (Екатеринбург/иные города области), кто проводит практику (автор практики или мастер-последователь), величина спроса или предложения и т. п. Так же, как и на традиционных рынках товаров и услуг, повсеместно действуют системы скидок, бонусов, рассрочек. Все это позволяет говорить о коммерческом аспекте духовности. Важность стоимостного аспекта духовных практик для религиоведения связана с тем, что помогает оценить готовность населения вкладывать финансовые ресурсы в духовные практики, а также фиксировать рост или падение спроса на духовные практики.

Важным результатом диссертационного исследования является выявление цифровизации российского рынка духовных практик, которая может стимулировать их дальнейшее распространение среди россиян. Процесс цифровизации делает духовные практики более доступными для всех участников, в том числе по их цене и времени проведения занятий. Тенденция цифровизации духовных практик стала значимой и проявилась в эмпирической реальности до пандемии коронавируса. Онлайн-площадки, позволяющие участвовать в духовных практиках и в обучении, по своей форме во многом похожи на офлайн-площадки независимых мастеров и спиритуальные центры. Происходящее в рамках онлайн-площадки взаимодействие учеников и мастеров является предметом договоренности, не образует сильных постоянных связей между участниками. Формирующаяся цифровая среда, изменяющееся поведение людей в этой среде, растущая конкуренция между разными мастерами из разных городов и стран делает духовные практики более глобальными, что расширило границы выбора для духовных искателей как

в области выбора видов духовных практик, режимов обучения и т. п., так и приемлемой цены. Для мастеров, подобная глобализация также поспособствовала расширению аудитории, но в то же время и конкуренции за нее. У мастеров изменилась структура затрат для проведения занятий (нет необходимости арендовать помещение), что открывает доступ к широкому рынку учеников, но одновременно требует осуществление рекламной деятельности для продажи и продвижения рекламных услуг в цифровом пространстве, для привлечения учеников. Независимыми мастерами используются ресурсы социальных сетей, маркет-плейсов и других площадок для размещения объявлений («ВКонтакте», «Instagram», «Facebook», «Avito», «Юла», «Profi.ru», городские и областные порталы объявлений).

На основе проанализированного эмпирического материала сделан вывод о наличии рынка духовных практик, о присутствии всех организационных форм духовных практик в регионе.

В параграфе 2 **«Представления о религии и сверхъестественной силе у участников духовных практик»** для содержательного анализа духовных практик выявлены представления о сверхъестественной силе, для чего была проведена серия интервью с мастерами и участниками. Это позволило зафиксировать субъективные представления и переживания, с которыми ученик сталкивается в рамках духовного поиска, отметить те изменения, которые происходят в мировоззрении ученика, с учетом его вовлеченности в духовность.

Представления о религии и сверхъестественной силе исследовались среди духовных искателей, посещавших разные духовные практики, особенно так называемые «женские практики». Выбор этого сегмента духовных практик для исследования представлений о сверхъестественных силах связан со следующими обстоятельствами. Во-первых, «женские практики» являются одними из наиболее востребованных. Во-вторых, исследователи отмечают значительное участие женщин в духовности². В диссертационном исследовании обозначена проблема употребления термина «женские практики» для теоретического анализа духовности и ее проявлений, что обусловлено тем, что «женские практики» – это самоназвание, используемое основными участниками духовных практик (мастерами и учениками) для обозначения сегмента духовных практик. В контексте диссертационного исследования термин «женские практики» используется в виду отсутствия термина, являющегося результатом научного консенсуса. Под «женскими практиками» понимается

² Woodhead L. Spirituality and Christianity: The Unfolding of a Tangled Relationship // Religion, Spirituality and Everyday Practice / ed. by G. Giordan and W. H. Swatos; Dordrecht-Heidelberg-London-New York, 2011. P. 3–21.

сегмент духовных практик, в основном направленный на развитие женского начала (женской энергии), эксплицитно ориентированный на женщин.

Был исследован семейный бэкграунд информантов. Выявленные атеистические традиции семей, из которых вышли некоторые из наших информантов, не стали основанием для отказа от поисков духовности. В то же время установлено значительное влияние представителей старшего поколения семьей, особенно родных бабушек на религиозность информантов и на их опыт участия в институциональной религии. Обратившиеся к религии представители старших поколений в позднесоветское время и в 90-е гг. XX в. активно пытались приобщить к ней своих потомков. Подобные попытки, в случае наших информантов, закончились отказом от конфессиональной религиозной жизни. При этом, несмотря на свой неудачный опыт, они признают возможность подобного религиозного пути для других людей. Одновременно со знакомством с конфессиями у информантов происходило знакомство с эзотерическими традициями. Первое знакомство с эзотерикой чаще всего происходило через других родственников, также прослеживается влияние друзей семьи и личных друзей самих информантов.

В диссертационном исследовании выявлены и описаны представления участников «женских практик» о религии. Так, в первую очередь, присутствует критика религии как ригидного социального института, что обусловлено разными причинами: личным отрицательным опытом участия в религиозных организациях; неприятием жестких конфессиональных порядков на уровне культуры и вероучения; несогласием с гендерными ролями. В целом, критика религии участниками «женских практик», во многом, идентична критике религии европейскими и американскими духовными искателями: и в том, и в другом случае фиксируется интерес к сверхъестественной силе и вера в нее. Активное выражение этой веры занимает определенное место в жизни и мировоззрении информанток. Отказ от конфессиональных религиозных интерпретаций и правил приводит участниц к индивидуальному конструированию духовного мира, образов сверхъестественного и механизмов коммуникации с ним.

В нарративах участников «женских практик» о сверхъестественной силе прослеживаются разные модели связи этой силы с миром. Вне зависимости от разделяемой модели, присутствует представление о возможности и реальности связи со сверхъестественной силой, реализуемой через переживание тайны и своего подлинного «Я» в рамках духовных практик. Образы сверхъестественной силы аморфны и эклектичны, присутствует зависимость от текущих увлечений определенными духовными практиками. При этом образы часто представляются теплым и дружественным человеку. Искатели пытаются рассуждать о форме высшей силы. В конечном счете, это приводит их к

рассуждениям о монотеизме и политеизме, где на первый план выходит прагматический аспект и поиск эффективности взаимодействия человека и высшей силы.

Искатели духовности обнаруживают проявления сверхъестественного повсюду, в том числе в повседневности. А сама способность находить сверхъестественное становится жизненно важной для них. При этом опыт каждого информанта, навыки и умения обнаружить сверхъестественное индивидуальны. Для вхождения в контакт со сверхъестественными силами участники используют все известные для религиоведения разновидности посредников (иконы, свое тело, татуировки, деревья, вода, изображения и статуэтки и др.). Индивидуальное умение видеть проявления сверхъестественного, формирующееся под воздействием жизненных ситуаций, и открытость разным возможностям приводят информантов к активной исследовательской стратегии, неопределенности, движению, поиску. Закономерным следствием синтеза религиозных традиций, верований и культов, присущих мировоззрению участниц духовных практик, становится толерантность участников «женских практик» к поликультурному и полирелигиозному миру. Идея толерантного отношения к другим традициям и верованиям прослеживалась у всех информантов. Сама толерантность становится инструментом реализации такой духовной свободы искателей духовности.

«Женские практики» наполнены своеобразной работой с «энергией»: происходит «прокачка энергии», «управление энергиями», «балансирование энергией». Работа с энергиями происходит на духовном и телесном уровнях, описывается практикующими в терминах целенаправленной работы, труда. Правильность работы с энергиями, их контроль представлены как залог успеха или неудач самого практикующего, и его окружающих. Тело человека выступает как инструмент работы с энергией и является важной посреднической константой «женских практик». Именно работа с телом способна пробудить «женскую природу», «энергию», вернуть человеку ощущение гармонии. Это отражается в описаниях информантами конкретных действий, выполняемых в ходе практик, в том, как они понимают какие-то важные для них смыслы: через чувствование, слушание, говорение со своим телом, а через него – со сверхъестественными силами. Несмотря на то, что «женские практики» представляют собой весьма эклектичный продукт из-за смешения различных светских и религиозных идей, именно концепция сверхъестественного играет важную роль в их внутренней логике. Наши результаты подтверждают тезис К. Аун³, полагающей, что участницы женских практик нуждаются в концепции сверхъестественной силы для

³ Aune K. Feminist spirituality as lived religion: How UK feminists forge religio-spiritual lives // Gender & Society. 2015. Vol. 29 (1). – P. 123.

сакрализации женского начала и женщины, что представляется вполне традиционным ходом, но одновременно подчеркивает индивидуальность духовной искательницы.

Доступным источником для описания опыта духовных практик, в том числе «женских практик», внутреннего состояния человека становится язык религии, из которого заимствуются религиозные понятия (например, бог и богиня, душа, энергии, инь и ян, эгрегор, чакры, грех и т. п.). Также представления о женском начале и женщине, конструируемые в рамках «женских практик», часто описываются языком популярной психологии. При этом, для среды искателей духовности, противоречий между этими языками не возникает.

Итак, исследованные в главе содержательные и организационные особенности духовных практик позволяют сделать выводы о сравнительно устойчивом развитии их в регионе. Зафиксирована тенденция цифровизации деятельности спиритуальных центров, индивидуальных мастерских.

В **Заключении** диссертации излагаются итоги и конкретные результаты проведенного исследования, рекомендации и перспективы дальнейшей разработки темы.

Публикации. Основное содержание диссертационного исследования отражено в следующих публикациях.

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК РФ и Аттестационным советом УрФУ:

1. Кузнецова, О. В. Проживание духовного опыта: проблема поиска концептологических оснований (по материалам эмпирического исследования) / О. В. Кузнецова // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2020. – № 53. – С. 76–84. (0,6 п. л.). (WoS);
2. Кузнецова, О. В., Смолина, Н. С. Религия и сверхъестественное в представлениях участниц женских практик / О. В. Кузнецова, Н. С. Смолина // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2020. – Т. 31. – С. 80–90. (0,7 / 0,5 п. л.);
3. Кузнецова, О. В. Визуальные образы новой духовности (опыт исследования визуального контента спиритуальных центров Екатеринбурга) / О. В. Кузнецова // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. – 2018. – № 4 (182). – С. 33–39. (0,5 п. л.);
4. Кузнецова, О. В., Смолина, Н. С. Гендер, религия, духовность в религиоведческих исследованиях / О. В. Кузнецова, Н. С. Смолина // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. – 2018. – №1. – С. 118–127. (0,6 / 0,45 п. л.);

5. Кузнецова, О. В., Смолина, Н. С. Стратегии «духовного» поиска женщин (по материалам эмпирического исследования стратегий женщин, посещавших тренинги спиритуальных центров) / О. В. Кузнецова, Н. С. Смолина // Дискурс-Пи. – 2018. – № 3–4 (32–33). – С. 208–216. (0,6 / 0,4 п.л.);

6. Кузнецова, О. В., Смолина, Н. С. Контуры новой духовности в гендерном измерении / О. В. Кузнецова, Н. С. Смолина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 12. – Ч. 2. – С. 102–105. (0,56 / 0,3 п. л.);

7. Kuznetsova, O. V., Osintsev, A. V. Spiritual-commercial movement: main features, peculiarities, attribution / O. V. Kuznetsova, A. V. Osintsev // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2014. – №8. – P. 1286–1292. (0,56 / 0,4);

8. Gishaeva, E. I., Kuznetsova, O. V. Alternative Spirituality as a Phenomenon of Consumer Society / E. I. Grishaeva, O. V. Kuznetsova // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2014. – №7. – P. 1137–1144 (0,54 / 0,27 п. л.).

Другие публикации:

1. Кузнецова, О. В., Смолина, Н. С. Представления о женщине и женственности российских участниц «женских практик» / О. В. Кузнецова, Н. С. Смолина // Религиоведческие исследования. – 2020. – № 1 (21). – С. 7-21. (0,74 / 0,5 п. л.);

2. Кузнецова, О. В. Духовность и ее поиски среди современных российских женщин / О. В. Кузнецова // Пивоваровские чтения. Синтетическая парадигма: наука, философия, религиоведение. сборник материалов конференции. – Екатеринбург: Деловая книга, 2019. – С. 235-236. (0,15 п. л.);

3. Кузнецова, О. В. Контент-анализ изображений спиритуальных центров города Екатеринбурга / О. В. Кузнецова // 90 лет Викторову Владимиру Петровичу: материалы круглого стола "Религия и религиоведение на Урале" Екатеринбург, 20 октября 2017 года, сборник научных статей и тезисов. – Екатеринбург: Деловая книга, 2018. – С. 28-29. (0,15 п. л.);

4. Кузнецова, О. В., Смолина, Н. С. Спиритуальные центры как досуговые центры современной горожанки (на примере г. Екатеринбурга) / О. В. Кузнецова, Н. С. Смолина // Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков. Материалы Одиннадцатой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. – Нижний Новгород: б.и., 2018. – С. 28-29. (0,2 / 0,1 п.л.);

5. Кузнецова, О. В., Смолина, Н. С. «Женские практики»: основные сюжеты и ролевые модели / О. В. Кузнецова, Н. С. Смолина // Сила слабых: гендерные аспекты

взаимопомощи и лидерства в прошлом и настоящем. Материалы Десятой международной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 7-10 сентября 2017., Архангельск: В 3-х томах / Отв. Ред. Н. Л. Пушкарева, Т. И. Трошина. – М.: ИЭА РАН, 2017. – Т. 3. – С. 38 – 41. (0,185 / 0,16 п.л.);

6. Кузнецова, О. В. Микроисторический подход в религиоведении: изучение женских практик / О. В. Кузнецова // Международная научная конференция "Дни науки философского факультета-2014". Материалы выступлений и докладов. – Киев: б.и., 2014. – Ч. 7. – С. 152 – 154. (0,1 п. л.).